

9

***Мы помним
прежние года...***

(воспоминания о Викторе Коротяеве)

Устье
2002 г.

По старой памяти и дружбе
Припомнить прежние года ...

В. Кортаев, 1976 г.

*Мы помним
прежние года ...*

(воспоминания о Викторе Кортаеве)

Устье
2002 г.

Как это было

В 2002 году сотрудница районной библиотеки Е.В. Мальгинова обратилась ко мне с просьбой написать воспоминания о Викторе Вениаминовиче Кортаеве.

Мои размышления и написанный текст оказались небольшими по объему, и я решил обратиться с просьбой к землякам, которым приходилось встречаться с поэтом и в Устье, и в Вологде. Я думаю, что будущие читатели с интересом прочтут воспоминания о человеке, который жил среди нас.

Ю. А. Стригин

Выражаем искреннюю признательность всем, кто поделился воспоминаниями о В. В. Кортаеве.

Особая благодарность - коллективам ГУП «Усть-Кубинская типография», редакции газеты «Северная новь» за помощь в издании сборника.

В брошюре использованы фотографии Ю. А. Стригина, Г. В.Валяева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. А. Стригин. Ушка	3
В. Астафьев. Погибшие строки	5
В. В. Королева. Подарок поэту	12
С. А. Валяева. Таким запомнился	14
В. Коротаяев. Я ночевал под старым виноградом	18
В. А. Гладцынов. Памятное знакомство	20
В. А. Стригин. Память сердца	22
А. К. Назаров. Со словами благодарности	27
Н. Б. Шилова. «Вспоминаю Учителя...»	29
В. Коротаяева. «Псевдонима не имел...»	32

С Виктором Вениаминовичем Коротаяевым меня связывали многолетние дружеские отношения. В годы учебы в Вологодском педагогическом институте мы жили в одном общежитии, на одном этаже и встречались ежедневно. Он учился на историко-филологическом факультете, а я - на физико-математическом.

Его имя стало широко известно среди студентов и общественности после того, как он приехал из отдаленного Никольского района с шикарной бородой, которую отказался сбрить, поэтому не был допущен к прохождению практики.

Впоследствии в повести "Золотое доньшко" В.В. Коротаяев рассказал об этом. В подтверждение приведу выдержку из приказа директора школы Н. Клушина: "... не допущен к занятиям в школе за невыполнение приказа снять бороду".

После окончания института он ежегодно приезжал в наш район. Первый раз он приехал с женой Верой Александровной в Томаш, где жила моя мама. Это было в условиях бездорожья, а Вера Александровна ждала ребенка, поэтому мы очень переживали, но все обошлось благополучно.

Работая заведующим Отделом образования, я с ним побывал в большинстве школ района, где он встречался с учениками, читал свои стихи. В школах сохранились фотографии о встречах с поэтом.

В.В. Коротаяев активно помогал и организовывал выезд писателей на 70-летие писателя-земляка К.И. Коничева. Встреча проходила в районном Доме культуры.

Его приезд в район с Н. Рубцовым и В. Астафьевым описан в повести

В. Коротаяев в Томашу

В. Астафьева, отрывки из которой мы публикуем ниже.

В.В. Коротаяева привлекало то, что он мог без суеты и надоедания посторонних писать свои стихи. Зная, что ему необходим отдых, я никого не предупреждал о его приезде.

На одной из книг он написал: "Моему другу, к которому я стремлюсь,

Твоя картина —
затянула разговор
о жизни и смерти
на твои три минуты

Ю. А. Стригун —
7.1.70

Прекрасно однажды в России родиться!
Под утренний златый роса!
Твое пожелание приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрятся, небеса.
После, озарили снами твоими,
Ромашки гадуют о новой судьбе.
И ветрам достойно шепчешь мне —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начался чудеса:
Тебе ручеек приподносит свой голос,
А лев заветочный — дерит глаза.
Свой смех — виноградными,
Роса — свои слезы.

Автограф Ю. А. Стригуну

и который все время от меня ускользает".

В последний раз он приезжал в метельный февраль, писал воспоминания о Рубцове, и было большое желание самому наловить рыбы на уху. Я как всегда уехал утром в район, а он по случаю окончания работы, несмотря на непогоду, ушел с утра на реку. Пришел он с реки, когда было уже темно. Сразу сказал, что ничего не хочет, кроме ухи, причем из рыбы, которую он сам наловил. В ящике оказались одни ерши, но поскольку он настаивал, весь улов поместили в котелок и поставили на газовую плиту.

Сам он, довольный тем, что отдохнул и наловил рыбы, стал в комнате беседовать с моей мамой. Я достал из холодильника леца и добавил в уху, а когда подавал к столу, аккуратно его убрал.

Виктор Вениаминович с удовольствием ел уху и все время приговаривал: "Ох, добра ушка, добра ушка!"

Есть уху из ершей я отказался, а он, ничего не подозревая, проголодавшись с мороза, был очень доволен тем, что ему удалось

отдохнуть и закончить трудную для него книгу воспоминаний о своем друге Н.М. Рубцове.

Секрет приготовления ухи так и остался секретом.

В один из его приездов с женой и сыном в бутылку из-под сухого вина он вложил записку, а может быть, и стихи, которую они вместе с сыном закопали на берегу реки Кубены. Приезд Веры Александровны был с небольшим приключением. Навестить мужа она решила с сыном и подругой, которую хотела познакомить со мной. На автостанции взяли билеты, но сели не в тот автобус и приехали в с. Кубенское. Вернувшись в г. Вологду, после долгих размышлений выехали в Устье-Кубенское, приехали уже вечером, но было лето, белые ночи.

Разговоры за столом не получались, поправить дела решили на берегу реку на обратном пути в г. Вологду. Виктор Вениаминович был в Устье на своей любимой автомашине ГАЗ-69. Я все эти долгие годы, а вернее десятилетия, жду, когда приедет сын, чтобы разыскать отцовский клад...

Погибшие строки

(отрывки)

Виктор Астафьев

... Много сделал за короткое время и далеко уже "въехал" в "Царь-рыбу", когда почувствовал полное истощение сил. Навалившуюся усталость надо было как-то снимать, сбрасывать, ликвидировать.

Я знал лишь два способа отвлечения от стола - тайга и рыбалка. Как-то собрались артельно в Союзе писателей, и я сказал, что вот треплетесь, треплетесь про рыбалку, товарищи писатели, а сдвигов нету никаких.

-Сейчас, сейчас, будет тебе сдвиг! - сказал Виктор Коротаев и начал обзванивать загородных знакомых. Откликнулись из Устья Кубенского, районного центра, лету до которого пятнадцать или двадцать минут. Лететь надо завтра утром. (В то время до Устья из Вологды действительно можно было долететь на самолете АН-2. - Здесь и далее прим. сост.).

Как и где тут пригодился Рубцов, я не мог потом вспомнить. Трое мы и полетели в Устье Кубенское на весело трещащем, хотя и пропаше скрипящем самолетике.

Прилетели. Пошли искать товарища, который горячо зазывал нас на

рыбалку, а его нигде нет. Редактор местной газеты вытаращил на нас глаза: "Чего ж не предупредили? Где я вам возьму лодку?"

Сунулись еще в два-три места - везде отлуп. Или заняты, или прячутся от нас местные витии, наобещавшие с три короба. Записховал наш главный артельщик, ругается, бородой трясет. Время к обеду тянется, а мы еще воды-то не видели и вблизи. Как водится в Рассее в таких крайних случаях, нашлась женщина, уже не молодая, грустная, когда-то учившаяся с Коротаяевым в пединституте (А.А. Швецова), и сказала, чтоб мы у нее пообедали, она тем временем чего-нибудь сообразит.

Отобедав, мы еще погуляли по Устью Кубенскому, побывали в книжном магазинчике, с весны затопленном. В магазинчике все еще по

На снимке: слева магазин, в котором Н. М. Рубцов покупал товар, справа редакция и типография районной газеты.

пояс стояла вода и плавали в ней пачками связанные или развернутые книги, нарядные подписные издания из золотой библиотеки "Детгиза", серии мировой литературы "Гослитиздата" и прочая, прочая. На пороге магазина сидела пожилая тетка, сморкаясь в передник, жаловалась нам на стихийное бедствие, на власти, на всех, кто под руку подвернется, но сама ничего не делала, ни одной книги наружу не вынесла.

Наконец-то разрешились вопросы нашей экспедиции. Женщина из редакции, набегавшись до упаду, велела нам идти к реке, где нас дожидается лодка.

На берегу, возле дощаной сплавщицкой лодки нас ждал подросток и с пристальным интересом глядел на нас.

-Поэт! - догадался Коротаев. - Начинаящий поэт?

-Да, - пропищал подросток. - Вам что, мама сказала?

-Мы сами догадливые, - буркнул в бороду Коротаев и начал объяснять человеку, где в Вологде находится Союз писателей и как там получить консультацию на поэтические труды. Коля тем временем наклонился ко мне для интимного разговора, из которого следовало заключение, что ни один себя уважающий человек на рыбалку без бутылки не ездит. Я сунул ему в руку деньги, и он отправился вверх по пыльной дороге, на ходу вынимая из кармана неизменный предмет холостяка - мелко вязанную сетку.

-А где наш гений? - сердито вскинулся Коротаев и, узнав, куда его отрядил, принялся сердито выхлестывать из лодки воду: - Ну будет нам рыбалка-придуралка, коли наш поэт достанет водки. Ты ведь взрослый человек и этого паренечка знаешь.

Я велел поэту прекратить болтовню и заняться копкой червей под приярком, заваленным мусором, щепой и назьмом. Червяка тут велось пропасть. Коротаев оживился, отпускал шуточки, руками разгребал благодатную почву, нагревшуюся в крапиве и лопухах.

Тут и Коля появился, неся через плечо сетку, полную весело гремящих бутылок. Он был взбодоражен удачей своей и вознамерился немедленно открыть бутылек с каким-то редкостным вином российского производства, украшенный яркой наклейкой, на которой различалась прежде всего овощь - свекла и морковь, красочное обрамление этикетки состояло из ягод калины, рябины и смородины.

Коротаев, нахально присвоивший себе роль командора, не дал нам разгуляться. "На месте, на месте порезвитесь", - сказал.

И мы, благословясь, поплыли по реке Кубене вниз по течению. Рубцов нетерпеливо ерзал на беседке, за каждым поворотом требовал остановиться, уверял, что добычливей места нам нигде не найти.

С озера Кубенского, куда впадает река Кубена, дул крепкий ветерок. В самом устье реки и на озере делать было нечего из-за волны. Километрах в трех от городка, возле крутого подмытого мыса, загораживающего уютный и глубокий омут, я велел командору учаливаться на травяном берегу, невдалеке от которого прореженной стенкой темнел иссеченный ветрами с озера ельник и кое-где разбродно росший обшарпанный, кривой, хромоногий на пригорки выскочивший соснячок. Ощетмненный можжевельник там и сям оживлял прибрежную картину, и, замочаленный льдом по весне и большой водой, измученно лънул к берегу ивняк.

Здесь пасли скот, трава была по первому разу выедена, лишь местами

пучком росла кое-где метличка да несъедобный, краснеть начавший коневник и разный бурьян нагло топорщился всюду, но меж дурниной по земле приветливо расплескалась свежая, яркая зелень. Река сплавная, и повсюду было дополна топляка. Я начал разводить огонь. Коротаяев же метнулся к воде, схватил кривую удочку, принесенную начинающим поэтом, принялся наживлять червяка и, нажививши, плюнул на него по старому обычаю. Коля, усевшись на бревно, скусывал с бутылки металлическую пробку, травил по поводу того, что напарник неправильно начинает рыбалку. Сперва надо выпить, закусить, потом уж благословясь... И в это время Коротаяев через голову метнул к нашим ногам крупную сорожину (плотву) и заорал, что вечер подходит, самый клев наступает, а мы чего делаем?

-Чего делаем? Чего делаем? Дело делаем.

Костер разгорелся. Я расстелил свой плащ и на нем разместил закусь, расставил кружки. Витя все метал и метал на берег рыбиную за рыбиной, возбужденно ругался на нас и категорически отказался выпить.

-Ну, как хочешь, - прокричали мы в два голоса, - была бы честь предложена! - и, громко звякнув кружками, выпили по первой.

Вино оказалось сносное, хорошим теплом разлилось понутри, и, чтоб не забыло этакую приятность, налили по второй, а затем и по третьей.

Хорошо мы выпили, хорошо поели, сидим с Колей, обнявшись, на бревне и во всю головушку орем: "Горе горькое по свету шлялося и на нас нас невзначай набрело...»

-Ну была у волка одна песня, и ту отняли, - буркнул Коротаяев, явившийся к костру, а мы все свое: «Го-оре горькое –е-э...»- Там же еще слова есть, солисты!

-Какие?

-Ну, например: «Ой беда приключилась страшная, мы такой не знавали вовек, как у нас голова бесшабашная – застрелился чужой человек». И мы с Колей охотно подхватили: «Как у нас голова бесшабашная».

Коротаяев плюнул, выругался и пошел к своей удочке. А мы с Колей все пели и пели. И хорошо нам было, ох, как хорошо!

Кончилось все это тем, что я проснулся по одну сторону бревна. Коля неподвижно лежал, натянув на ухо курточку, по другую. Комары, вялые от утреннего холодка, кружились над нами, и я почувствовал, что все лицо мое горит, уши распухли, глаза превратились в набухшие щелки. Повеселился ночью комар, попиrowал над пирующим народом.

В тумане маячила отчужденная фигура рыбака, то и дело махающего удилицем. Костер потух, и вокруг него был полный разгром. Нас ограбили вороны, все, что можно было съесть и утащить, они съели и утащили.

Сыто обвиснув на ветвях елей, сонно глядели вороны на побоище, и стоило мне пошевелиться, сесть на бревно, как вся опушка огласилась торжествующими криками: «Дураки! Дураки! Ох, какие дураки!..»

-Коля! – теребнул я за куртку сотоварища по пиру, - ты слышишь, как вороны торжествуют?

-А че это они?

-Попировали возле нас.

-Да ну? – подскочил Коля из-за бревна. Огляделся спросонья и покрутил головой: - Вот эт-то да-а?

-Ну, рыбаки, ена мать! Живы ли?

-Живы-ы. А где ты был?

-Где был, где был? Рыбалил.

-Ну и рыбаль дальше. Имай два тайменя, один с ..., другой помене.

-Таймени здесь не водятся. Я сорок восемь штук добыл – окуней, сорожин и ершей.

-А где они?

Витя опомнился наконец, опал на землю с небес, схватившись за голову, вскричал заикаясь:

-Со-сорок восемь... Со-орок восемь...

Из сорока восьми пригодных для ухи рыбин мы собрали только четыре, да из лодки принес рыбак утренний улов, я принялся варить уху. Соль и буханку хлеба вороны унести не смогли, хотя булку и поклевали изрядно. Еще мы нашли половину пачки сливочного масла и плавленый сырок, закатившийся под бревно. Тем временем взошло солнце, обогрело, вороны маленько успокоились, но со своих мест не слетали, плануя сверху, чем еще возле нас поживиться, что спереть возможно.

Витя остервенело выхватывал рыбин из воды, Коля подносил их к бревну и, уложив рядком, обкладывал крапивой. Потом ему это занятие надоело, он, разоблачившись донага, попробовал пяткой воду и со всего маху ухнулся в реку, под удочку Коротаяева. Тот было звереть начал, потом махнул рукой, мол, все равно клев кончился, и тоже нагишом нырнул к барахтающемуся Коле.

Без восторгу нельзя было смотреть, как два вологодских парня, да не парни, а уж мужики, по-ребячьи балуются в воде, ныряют, показывая мне заднее место, топят друг дружку, гоняются друг за другом и орут, орут восторженно, счастливо.

К костру явились они усталые, утихшие. Я сказал, чтоб они не дрыгались, никуда не отходили, и пошел к воде ополоснуться хотя бы до пояса. Увы, легкие мои уже тогда не позволяли никаких вольностей на воде и на холоде.

От вчерашнего пира осталось у нас с Колей две полные бутылки. Сосчитав валяющийся вокруг порожняк, Витя крутанул головой:

-Н-ну, вы даете! – и снова категорически отказался с нами выпивать. Гуляка, говорун, гармонист, он в то же время был организованным человеком. Быт свой и себя содержал опрятно, когда переставал пить, тут его не сдвинуть с места. Но уж когда Коротаев загуляет – отворяй ворота ширше – всю Вологду обегает, аж штанины отстают, где-то отдельно от кривых ног трепыхаются, со всеми встречными-поперечными обнимается, женский пол перецеловать норовит, а у самого в бороде болтается от селедки скелет. Это я однажды увидел у него в бороде рыбью кость и дразнил тем скелетом. Он поначалу возмущался, но потом рукой махнул – мели, Емеля, тем паче, сочинитель, твоя неделя.

И вот этот развеселый гуляка впал в трезвость, презирает нас, в разгильдяйстве обвиняет, в бесхозяйственности. А нам с Колей снова хорошо сделалось. Сидим, на белый свет глазеем, птичек слушаем, рекой любуемся. Тихое блаженство вокруг, редкая дружеская минута с нами и благодать в нас. Хорошо откушав, Коля лежит на спине, травинку покусывает, в небо глядит, потом поднимается и молча уходит в направлении церкви, виднеющейся на нашем, левом берегу. Церковь эта служит, потому и бела, и приветливо смотрится.

... Витя, большой любитель покушать, еще порылся ложкой в котле, поплевался рыбьими костями и отвалился под бревно на мной обогретое место. Когда-то и где-то приобрел он модную шляпу, этакую аля-тироль, в пятнах и клетках, будто бы из кожи змеи анаконды сделанную, сверху по материи вроде как соплями измазанную. Он надевал ее редко, в исключительных случаях, иль во время загула. И вот прикрыл он морду этой шляпкой, одна черная шамильская борода из-под нее видна. Однажды мы так его проняли этой бородой, что он взял и сбрил ее, и перед нами предстала личность круглая, сытая до блескучести, с дыркой на подбородке. Ну вылитый буфетчик с дореволюционного вокзала, и мы махнули рукой: "Лучше уж носи бороду".

И вот эта борода чернеется под шляпой, в волосьях бороды комары одиночные роются, норовят до уха иль до круглого носа поэта добраться, крови его попить, будто цензуры советской нету кровь-то нашу творческую пить. Я наконец вынул свои удочки из чехла, сложил любимую, бамбуковую и вершинкой удилица попробовал согнать комара с уха поэта.

-Маленькой? - раздалось из-под шляпы.

-Я комара сгоняю с твоей трезвой морды.

-Скоко я их от вас, спящих хануриков, отогнал дымокуром и венником!

От вас бы одни скелеты остались.

-Ты младший товарищ, ты в комсомоле состоял, в партию пробрался, обязан старшим и беспартийным товарищам завсегда помогать в беде, в нужде.

-Слушай, отвяжись, а...

-Отвяжись, отвяжись, у меня родина осталась за десять тыщ верст отсюда, душа по ней изболелась, я труд про рыбу сочиняю, устал, как собака, а ты валяешься на родном берегу и со мной, сиротой, пообщаться моргуешь! Где твое партийное сознание?

-Про какую еще рыбину?

-Про такую. Царь-рыба называется. Не то, что твои колючие ершовые да кости сорожки, которых ты, брехун, будто сорок восемь штук изловил, тут их во всем омуте полста штук велось, остальных я счас доловлю.

-Говорю те, сорок восемь вечор изловил, вы их воронам скормили.

-Мы были при деле. Веселились с поэтом Рубцовым, вот ты куда смотрел, трезвый-то?

-Слушай, иди рыбаць, а. Отвяжись, ради Бога.

-И пойду, и пойду, и докажу тебе, что есть тут рыбехи покрупнее твоих ершов.

Сначала я в проводку, вдоль полосы прибрежной травы вел удочку и кормил червяков мелкой сорожонке, ершам да гальянам и так раздражил таящуюся в водяной мути шуструю травянку-щучонку, что она, не выдержав хищного характеру, метнулась за волочимой на крючке сорожонкой и напрочь оторвала всю мою снаряду.

Громко и крепко ругаясь, чтобы Коротаев слышал, и щучонку, и Кубену-реку, и всю Вологодчину, куда меня занесло прихотливыми ветрами судьбы.

Витя молчал, терпел, хотя был ярым патриотом своей, в общем-то, бедной и безобидной земли. Родом он из села Ковырино, что под Вологодой, рос и шаромыжничал вместе с пригородной шпаной, бывал бит и сам кого-то за компанию бивал, хотя по натуре совсем не драчлив, зорил птичьи гнезда и местные сады, за девками приухлестывал, ухажорил, когда-то выучился играть на баяне, затем поступил в местный пединститут, успешно закончил его и вместе с другом своим, ныне тоже покойным поэтом, Леонидом Беляевым, подался учительствовать в деревню.

Его мать, Александра Александровна, милейший и добрейший человек, с двумя парнями рано брошенная ветренным мужем, который жировал где-то на Кубани, была портниха, долго жила в Череповце и силы свои надрывала, чтобы поднять сыновей. "Двух лоботрясов", как называл себя и брата будущий поэт, объясняя свой ранний уход из дома тем, чтобы хоть немного освободить мать от тяжкого семейного гнета. От природы

наделенный поэтическим даром, дружеской сердечностью, крепкой памятью и деловой хваткой, ценил он трудовую копейку, умел ее добыть и сберечь. Во всяком разе, никогда по чужим углам не скитался, ел свой хлеб и выпивка у него водилась. У него был довольно прямодушный характер, ну не без вологодского лукавства, конечно, и мужицкой хитрецы. Его среди писателей знали и любили многие. Любил его и я, был к нему дружески расположен.

После моего отъезда из Вологды Витя во время перестройки проявился как деловой человек, вел издательское и книготорговое дело, помогал, чем и как мог, местной литературе, издал впервые в стране двухтомник Николая Рубцова, поднял двоих детей, но однажды где-то за компанию хватанул паленой водки, у него случился тяжелый сердечный приступ - и на Руси не стало еще одного, очень крепкого, очень этой земле нужного прозаика и силу набравшего поэта...

ПОДАРОК ПОЭТУ

**В.В. Королева, директор
Заднесельской школы с. Заднее**

Кортаев Виктор Вениаминович, бывая в Усть-Кубинском районе, заезжал и в нашу Заднесельскую школу. Живо интересовался работой школы, беседовал с учителями. Особенно он хотел узнать, как относятся к литературе, поэзии и прозе, наши ученики, спрашивал об одаренных детях.

Веселый, улыбающийся по-доброму человек, он нравился школьникам. Слушали его с интересом. Он владел не только искусством слова, но и умением привлечь внимание к своей речи, да так, что в классе или зале стояла необычайная тишина. Будучи человеком скромным, Виктор Вениаминович ни разу не спросил, а нравятся ли слушателям его стихи. Читал даже с чувством стеснения, некой вины перед слушателями. Но когда звучал гром аплодисментов, весь преображался, взгляд его теплел, он благодарил за внимание и читал еще.

В одну из встреч был и друг Виктора Кортаева Леонид Беляев.

Представляя своего товарища, он давал отличную оценку его стихам, хотел, чтобы и Л. Беляева восприняли, полюбили, как и его самого.

Был очень рад и изумлен, когда ребята во время первой встречи подарили ему огромный глобус. Шустров Сережа, даривший глобус поэту,

был переполнен гордостью и радостью, что именно он получил право вручить сувенир поэту-земляку.

Второй раз Виктор Вениаминович был осенью, когда еще у школы цвели георгины и гладиолусы. Ребята буквально засыпали поэта цветами. Он читал и читал свои стихи, стихи поэтов-вологжан, крепко пожимал руки учащимся, дарившим цветы, желал всегда хорошей учебы, здоровья и быть достойными своих родителей, школы, страны.

Память о поэте неизгладима в сердцах всех, кто имел возможность разговаривать с ним, слушать стихи. На одной из книг в 1983 году он сделал надпись: "На доброе чтение".

ТАКИМ ЗАПОМНИЛСЯ

С.А. Валяева, с. Богородское.

Виктор Коротаяев - мой однокурсник по ВГПИ, правда, мы были в разных группах: мы с мужем Германом - "ашники", а он - "бэшник", поэтому общались мы не очень часто, тем более что его круг общения был чрезвычайно широк - как в институте, так и за его пределами. Но несколько раз судьба нас сводила довольно близко. О некоторых эпизодах из жизни Виктора расскажу подробнее.

Виктор был человеком чрезвычайно любознательным, всегда искал новых впечатлений и знакомств. Когда он узнал, что мы с Германом собираемся на каникулы ко мне на Родину, в Среднюю Азию, решил ехать с нами. В это время он готовил сборник стихов, рассчитывал получить за него гонорар и съездить на эти деньги.

Мы, конечно, с трудом верили, что он решится это сделать: его планы часто менялись. Но на этот раз он осуществил задуманное, и мы отправились в путешествие: сначала поездом до Москвы, оттуда самолетом до Ташкента, и снова на поезде и на автобусе в небольшой поселок нефтяников Кочкор-Ата на юге Киргизии. Герман тоже впервые ехал к моим родителям, так что им обоим там было все необычным и интересным.

Первое среднеазиатское впечатление - это непривычная жара, которая пронизывала нас насквозь, когда мы вышли из самолета в Ташкенте. Потом Виктор часто говорил, что у него было такое ощущение, что мозги плавятся и невозможно работать (он взял с собой рукописи и хотел привести их в порядок).

У моих родителей был небольшой фруктовый сад и виноградник, где и поставили для Виктора кровать. Он не переставал удивляться тому, что можно вот так лежать под виноградными гроздьями и, протянув руку, срывать ягоды и класть их прямо в рот. (Ниже приводим стихотворение, написанное по впечатлениям этой поездке).

Его и Германа удивляло на юге все: и шумные изобильные базары, особенно горы арбузов, дынь, фруктов, и национальные блюда в ашхане, и чай в чайхане. Мы объездили все ближайшие города и местные достопримечательности. Ходили в горы к водопадам Арслан-

У источника минеральной воды курорта Джалал-Абад.

Боба, побывали на знаменитом курорте Джалал-Абад, ездили в маленький уютный городок Майли-Сай, красиво и величественно обрамленный горами. Везде нас прежде всего привлекали богатейшие книжные магазины с очень редкими изданиями. Как только заходили в магазин, сразу просили лестницу и заглядывали на самые верхние полки, куда редко добирались местные покупатели. Глаза разгорались от такого богатства, очень хотелось все это приобрести, жаль только, что наши желания не совпадали с нашими возможностями. Виктор тогда отправил несколько посылок с книгами домой.

В одной из наших поездок и произошел тот феноменальный случай с Виктором, о котором он впоследствии взахлеб рассказывал всем своим друзьям и знакомым. А при редких наших встречах мы в первую очередь вспоминали о нем и смеялись до слез. Чтобы понять его суть, надо узнать все предшествовавшие этому подробности.

Дело было в городе Ош, что на юге Киргизии. Мы зашли пообедать в ресторан, расположенный в парке недалеко от рукотворного озера. По студенческой привычке решили взять первое и второе. Официантка записала заказ и, не дождавшись продолжения, пошла выполнять его. Мы вернули ее и объяснили, что она не записала еще и котлеты. Она очень удивилась и недоверчиво посмотрела на нас. Мы, конечно, сразу не поняли ее сомнений. Все прояснилось, когда она принесла огромную, по нашим представлениям касу лагмана, жирного, с ароматными приправами, где мяса было больше, чем бульона, и тарелку со злополучными котлетами. Это были котлеты не по-вологодски (маленькие, тощенькие), а огромные две котлеты с подливой и другими азиатскими специями.

Когда мы съели лагман, то окончательно поняли, почему надо было заказывать только одно блюдо. Но чтобы не ударить в грязь лицом перед официанткой, мы с большим трудом одолели и котлеты. Пришлось еще и пива выпить в такую жару! Вот что значит обед по-азиатски! При расчете официантка смотрела на нас насмешливым взглядом.

После такого обильного обеда мы пошли к озеру. Как обычно на южных пляжах, там было много народу. Неподалеку стояла вышка для прыжков в воду, облепленная купающимися на всех трех ее уровнях. Почему Виктора и Германа потянуло на эту вышку, трудно было потом объяснить. Но им захотелось прыгнуть именно с вышки. У Германа прыжок был нормальным: он прыгнул вниз головой, чисто вошел в воду и быстро показался на ее поверхности. У Виктора прыжок не получился: он неудачно плюхнулся животом так, что над озером раздался своеобразный в таких случаях звук, и все дружно ахнули, услышав его. Виктора долго не было на поверхности, и мы уже начали беспокоиться. Наконец он появился и тяжело поплыл к берегу. На берег он не вышел, а выполз и долго лежал с

закрытыми глазами. Это же адская боль, да еще с переполненным желудком. Страшно подумать, что могло бы случиться! Но Виктор мужественно отказался от "Скорой помощи". Мы очень переживали за него, но когда все прошло, на нас напал смех. Надо было слышать эту историю в пересказе самого пострадавшего, чтобы понять, почему мы смеялись в таком в общем-то трагическом случае. Необходимо сказать, что Виктор всегда относился с юмором ко всем жизненным неприятностям, и это помогало ему справляться с самыми трудными ситуациями.

Неугомонный весельчак, оптимист он заражал своей бодростью, игривостью всех, кто с ним общался. Вспомнить хотя бы легендарный случай с его бородой. В общих чертах это выглядело так.

Трое однокурсников: Владимир Мальгинов, Герман Валяев и Виктор Коротаяев - поклялись, что не будут брить бороду до определенного срока (точно не помню). Вскоре предстояло ехать на практику. Нас тогда посылали не практиковаться, а по-настоящему работать в отдаленных районах области, потому что во многих школах не было учителей истории, русского языка и литературы (у нас тогда был историко-филологический факультет, который давал три специальности). Так с бородами и поехали все трое в назначенные районы. Виктор Коротаяев с Леней Беляевым отправились в одну из самых отдаленных сельских школ. Директору школы не понравилась очень пышная, боярская, как мы тогда говорили, борода Виктора. Ему было предложено ее сбрить. Виктор отказался. Начался конфликт, в результате которого Коротаяев был уволен с очень нелепой формулировкой основания увольнения.

Виктор с большой радостью вернулся в Вологду. В это время он готовил к изданию очередной сборник стихов, и свободное время ему пригодилось. Однажды он встретился со строгим и грозным деканом нашего факультета Олегом Владимировичем Шайтановым. Декан удивился, что студент находится в Вологде в то время, когда он должен быть на практике, и, естественно, потребовал объяснения. Виктор сразу признался ему, что уволен, и показал выписку из приказа. Сначала Олег Владимирович не поверил своим глазам, а когда понял, что это серьезно, долго смеялся и даже не настаивал на продолжении практики. Так Виктор, можно сказать, был "высочайше помилован", и теперь уже на законных основаниях занимался своим любимым делом - стихами.

У этой нашумевшей истории есть еще продолжение. Когда вернулись в Вологду остальные "бородачи" (бороды им, кстати, не помешали закончить практику), они все вместе еще успели сходить на первомайскую демонстрацию в таком странном виде. Так и шли рядом в первой колонне факультета. И здесь не обошлось без курьеза: кто-то с трибуны крикнул: "Вива, Куба!" (тогда у нас в большом почете был Фидель Кастро со своими "барбудосами"), что тоже стало предметом насмешек и острот в наших студенческих рядах. После этого они сфотографировались и сбрили бороды. Так закончилась эта "бородатая" эпопея, хотя Виктор в последние годы носил бороду; таким он и запомнился читателям его таланта: с пышной черной бородой.

На первомайской демонстрации в г. Вологода.

После окончания института наши встречи были редкими, хотя всегда желанными. Первый раз мы с Германом встретились с Виктором в Ленинграде. Тогда он служил в армии, работал в армейской газете и по редакционным делам бывал в командировке в Ленинграде. И надо же было такому случиться, что мы встретились на Невском проспекте. Идем друг другу навстречу, подошли и поздоровались, как будто в институтской аудитории. Но потом вдруг одновременно почувствовали, что это же такое чудо: в многолюдном городе, на оживленном проспекте и вдруг такая встреча! И начались воспоминания... Зашли пообедать в кавказский ресторан, не могли разобраться в меню, выбрали наугад какое-то блюдо и, конечно же, вспомнили среднеазиатский ресторан, опять посмеялись над прыжками с вышки...

Виктору было некогда - спешил по делам. Договорились встретиться вечером. И опять шутки, смех и бесконечные рассказы и воспоминания. Сколько в нем было зажигательной энергии, искрометного юмора и жажды общения!

Последний раз виделись, когда он приезжал в Богородское. Был в районе, встречался со своими читателями и заехал к нам. Как всегда, шумный, веселый, энергичный, неисчерпаемый. Времени опять не хватило. Расставались до новой встречи, но ей уже не суждено было состояться. Уехал он от нас тогда навсегда. Но остались воспоминания о нем, его стихи и память о яркой, сильной, неповторимой личности, и благодарность судьбе за то, что подарила нам радость общения с замечательным человеком!

ВИКТОР
КОРОТАЕВ | ПРЕКРАСНО
ОДНАЖДЫ
В РОССИИ
РОДИТЬСЯ

СТИХИ

*Портрету
Виктору Валеевичу -
с доброй и нежной
любовью -
А. Коротаев 2013*

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК, 19

Автограф семье Валеевых

Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был, как свой лесок.

А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздья добирали сок.

Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,

влажными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,

Горячим светом озаряя двор,

Всходили доморощенные солнца
Налившихся
                                пунцовых помидор.
Я шел к столу, пожевывая сладко,
И что-то баритоном напевал.
Простые люди среднего достатка
Меня опять сражали наповал.
Казался стол и короток, и узок
От колбасы, ватрушек и вина,
Со скрипом
                                прогибалась под арбузом
Ореховой столешницы спина.
Хозяйка же, не слыша возражений, -
И этим по-особому мила, -
Полтазика прожаренных пельменей
Пристраивала с краешка стола.
И вспоминались мне родные села,
Где, зная, что такое хлеб и труд,
Не меньшие, конечно, хлебосолы
В сосновых избах
                                сызмальства живут.
Я там бывал и не однажды буду.
Туда приду в любое время дня -
И всем, что есть,
                                приветливые люди
От всей души
                                попотчуют меня.
И будут возвышаться грузди в плошке,
И бабка,
                                скинув крышку на шесток,
Большой чугуун
                                разваристой картошки
Передо мною выставит на стол.

В. Кортаев

ПАМЯТНОЕ ЗНАКОМСТВО

В.А. Гладцынов,
учитель, п. Устье

Виктор Коротаев... Это имя я услышал давно - лет тридцать тому назад, не зная, кто этот человек. А назвали его мои учителя - Светлана Алексеевна и Герман Васильевич Валяевы, в прошлом выпускники историко-филологического факультета Вологодского пединститута. Они учились на одном курсе с Виктором Коротаевым, и из их студенческих воспоминаний в моем сознании возникал образ веселого общительного парня.

Знал я и то, что Виктор посвятил себя поэтическому творчеству. Правда, Герман Васильевич относился к его стихотворным опусам, мягко говоря, с определенной долей иронии. Но человеческие качества Коротаева Валяевы ценили очень высоко.

Познакомиться с Виктором Вениаминовичем мне посчастливилось в Усть-Кубинской средней школе на встрече со старшеклассниками, которая состоялась по его инициативе. И тут мне пришлось признать полное соответствие написанного Валяевыми портрета с "оригиналом". Плотного телосложения мужчина - брюнет с веселыми карими глазами и густущей черной бородой. Этаким "бонвиван", с которым общаться было очень легко и приятно. Чисто вологодский выговор с выпирающим "О", без малейшего снобизма, без налета звездности, хотя к тому времени Коротаев был уже достаточно известным поэтом, его стихи публиковались в "толстых" журналах, подборки часто появлялись на страницах вологодских газет.

Зная робость и скованность наших детей, я решил раздать им заранее подготовленные вопросы, которые они должны были задать Виктору. Уловка удалась, и Коротаев с удовольствием общался с ребятами, отметив потом нестандартность их интересов. Я, естественно, раскрывать секрет не стал...

Виктор читал стихи, и в зале стояла тишина. Никого не надо было одергивать, призывать к порядку. После встречи мы разговаривали с ним в кабинете; он подарил мне сборник стихов, подписал его и подивился такому редкому, на его взгляд, моему отчеству - Африканович. Мы расстались уже друзьями, словно век знали друг друга.

ВИКТОР
КОРОТАЕВ | ПРЕКРАСНО
ОДНАЖДЫ
В РОССИИ
РОДИТЬСЯ

СТИХИ

*Владимиру Артемьевичу
Коропину
от автора
в день рождения Г.И. Коротаева -
25.12.1984 г. Устюж*

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК, 1982

Автограф В. А. Гладцынову

А он, оказывается, был знаком с самим Расулом Гамзатовым, с Сергеем Викуловым, нашим земляком, который, к его чести, серьезно помогал вологодским литераторам выйти на страницы столичной прессы.

Эта встреча с Виктором оказалась не последней. Как-то звонит Юрий Александрович Стригин, мой сосед, и приглашает на чашку чая. У него в гостях, оказывается, Коротаев собственной персоной! Конечно, отказываться я не стал, и мы провели чудесный вечер за разговорами. О чем говорили? Обо всем: о поэзии и вообще о литературе, о связях, о благе в литературных кругах, о чиновничьем беспределе...

Виктор Вениаминович - интересный собеседник, живой, энергичный, подкупающий непосредственностью человек. Интересно было узнать, что родом он из Сокольского района, из Воробьева, то есть самый что ни на есть земляк. (Виктор Коротаев - коренной вологжанин, но очень долгое время почти сразу после рождения жил в Сокольском районе, отсюда и заблуждения очень многих. - Прим. сост.) А ему было интересно узнать,

что я учился у его бывших сокурсников Светланы Алексеевны и Германа Васильевича Валяевых, к которым у него сохранилось самое доброе отношение.

В. Коротаяев пробовал себя не только в поэзии, но и в прозе. Помню, с удовольствием прочитал его автобиографическую повесть о прохождении студенческой практики в одном из дальних районов Вологодской области. Прекрасно был выписан портрет тогдашнего заведующего ОблОНО Василия Анатольевича Шутова, отличавшегося непредсказуемостью своего поведения и крутым нравом. "От поэзии когда-то надо переходить и к прозе", - говорил В. Коротаяев. А стихи у него, как мне казалось, очень простые, понятные, без модной зауми, и говорят они о близком, дорогом...

Остается только сожалеть, что нет с больше нами такого талантливого, жизнелюбивого человека. Как много он не успел сделать! Но он оставил глубокий след в памяти современников. Образ и стихи Виктора Коротаяева будут жить вечно, и добрая ему память!

Память сердца

В. А. Стригин, г. Вологда

С Виктором мы вместе учились в Вологодском государственном педагогическом институте, он - на историко-филологическом факультете, а я - на естественно-географическом. Он был старше меня на один год и закончил институт в 1963 году.

В тот период популярно было проводить соревнования по различным видам спорта между факультетами. Виктор прилично выступал в беге на 100 метров и входил в состав сборной команды факультета по легкой атлетике. Я хорошо знал всех спортсменов, так как выступал за сборную команду института по волейболу и легкой атлетике. Вспоминается, как мы однажды с Виктором бегали стометровку, а дистанция проходила вдоль Кремлевской стены в центре города. В шуточной форме он заметил: "Куда мне тягаться с вами - спортсменами". Но при плотном телосложении он имел хорошую стартовую скорость и показал высокий результат.

После окончания института мы оба были призваны в ряды Советской

Армии и не виделись несколько лет.

Особенно запоминающаяся встреча произошла у нас летом 1970 года. В тот период я работал председателем комитета по физической культуре и спорту при Вологодском райисполкоме.

Рабочий день уже завершился. Я проезжал по улице Мира и вдруг слышу: "Володя,

В. Коротаев в армии.

Володя!" Боковым зрением увидел, как Виктор в белой рубашке высоко подпрыгивал и продолжал выкрикивать мое имя. Я тогда ездил на автомашине "Волынь" со снятым тентом, поэтому он сразу меня узнал. Включив правый поворот, я резко притормозил и остановился у здания, где находится трактир "Печки-лавочки". Виктор с радостной улыбкой подбежал ко мне, мы крепко обнялись:

-Я так соскучился по друзьям, знакомым лицам, по Вологде. Я же только что закончил Высшие литературные курсы.

Он сел в машину, и мы поехали ко мне (а жил я тогда на улице Герцена). Мы вспоминали веселую студенческую жизнь, службу в армии.

Виктор с большой любовью рассказывал мне о поэзии Николая Рубцова. «Вот, послушай, - сказал он. - Как тонко Рубцов чувствует окружающую действительность, как метко и образно выражает свои наблюдения!»:

*Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом.
Все прибежали сюда.*

*Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу.
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.*

*Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?*

Время уже полночь, а разговорам нет конца. Вот Виктор выходит на балкон и снова, очень выразительно и эмоционально, читает мне стихотворение Н. Рубцова:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...

"Послушай, - сказал я. - Но ты ни разу не читал мне своих стихов!"
"Только одно, - ответил он. - И больше не проси, договорились?"

*Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя -
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос -
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий - дарит глаза.
Свой смех - колокольчик,
Роса - свои слезы,
Прическу - густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.*

Пока обменивались мнениями, слушали музыку, читали стихи, время пролетело незаметно. Уже пять часов утра.

"У меня сегодня очень крупное мероприятие, - сказал я. - Общерайонный праздник в честь окончания посевной, в деревне Дудинское, что под Вологодой".

"Посхали! - радостно воскликнул Виктор. - Заедем к Саше Романову".

И вот мы на улице Ветошкина, подъехали к дому, где жил А. Романов. Шесть часов утра.

"Саша, выходи!" - несколько раз громко прокричал Виктор, встав в машине в полный рост.

Через несколько минут, протирая глаза, Александр появился на балконе.

"Поехали! Важное мероприятие!" - сказал Виктор.

Удивленно посмотрев на автомашину необычной формы, он ушел в комнату.

"Придет?" - спросил я.

"Обязательно".

И точно, Виктор оказался прав. Теперь втроем мы двинулись в путь.

"К Василию Белову!" - вдруг возникла новая идея у Виктора.

И вот мы на улице Октябрьской, и в Дудинское прибываем уже вчетвером.

Было раннее утро. Работники райпотребсоюза уже расставляли торговые ларьки и палатки. Прибывали первые делегации. У меня были запланированы соревнования по различным видам спорта, и мы договорились встретиться в конце праздника, чтобы вместе возвращаться в город.

В июне 1971 года была еще одна встреча.

"Давно хотелось побывать у тебя на родине, - сказал он как-то мне".

"Без проблем", - ответил я.

И вот мы на моей "Волыни" отправились в Усть-Кубинский район.

"Может, мне взять с собой Веру (жену)?"

"Конечно, пусть развеется, пообщается с природой".

До Устья мы добрались быстро, а там еще 30 километров до куستا деревень с общим

В. Коротаев и В. Стригин.

названием Томах. Дорога грунтовая, с колеями и выбоинами. После села Заднее дорога стала еще хуже, и Виктор попросил: "Можно я сяду за руль? А то растрясешь мою подругу, и родит преждевременно". (Вера ожидала скорого рождения ребенка).

Мы поменялись местами и, балагуря, проклиная дороги и рассказывая анекдоты, добрались до Томаши.

Забегая вперед, скажу, что менее чем через месяц, а точнее 20 июля, Вера родила сына.

И вот мы в деревне Курьяниха. Тут же навстречу выбегает мой друг детства Коля Чудов.

"Ребята, заходите чай пить!" - весело улыбаясь, воскликнул он.

Сразу вспомнилось босоное детство, зазвучали многочисленные "А помнишь?"

И тут почти все одновременно вспомнили, как любили "шарить" под камнями налимов.

"Пошли к реке!" - загорелись глаза у Виктора.

Речка Томах встретила нас благосклонно, и нам с Виктором удалось поймать несколько налимов.

В поисках рыбы на реке Томах

В общем, отдохнули на славу.

В дальнейшем мы встречались с Виктором довольно часто. Ездили в Череповец, Шекснинский район. И всегда он спрашивал: "Как здоровье у Людмилы Александровны (моей матери), как живет Юра (мой брат)?"

Ему импонировало то, что его мать и моя были учителями начальных классов.

Обо всех встречах, конечно, не расскажешь, но хотелось бы отметить, что Виктор тепло и душевно относился к друзьям, у него было открытое сердце, с ним было легко и интересно общаться. Удивительное и даже трепетное отношение к окружающим, сопереживание бедам народным, любовь к жизни и широта натуры - таким останется Виктор в моей памяти навсегда.

*В фойе театра было очень тихо.
Слеза скользнула по моей щеке.
Нам не промчатся с ним теперь уж лихо
По так знакомой реченьке-реке.*

*Судьба распорядилась очень строго.
Мы неподвластны что-то изменить.
И кланяемся низко. Нас так много.
И что же делать? Надо жить и жить.*

*Над белым мрамором промчится ветер,
И память пронесет меня через года.
Не возвратит нам памятный тот вечер,
И вновь скользнет нечаянно слеза.*

Со словами благодарности...

**А. К. Назаров, с. Никольское,
директор Октябрьской школы.**

С поэтом Виктором Вениаминовичем Коротаевым судьба сводила меня два раза. Он побывал с визитом в Октябрьской школе в семидесятые годы (теперь уже прошлого века), он познакомился со школой, обратил особое внимание на кабинет литературы, школьную библиотеку.

В актовом зале прошла встреча с учителями и учащимися, где Виктор Вениаминович читал много стихов, рассказывал о творчестве вологодских авторов, отвечал на вопросы.

В. Коротаев в Октябрьской школе.

Вторая встреча произошла в деревне Анисимово Шекснинского района. В этой деревне, расположенной на берегу реки Шексны, находилась дача В.В. Коротаева.

В августе 1983 года я был в гостях у своей старшей сестры М.К. Симановой, живущей в селе Ершово. Анисимово находится от этого села в пяти километрах. Я узнал, что семья моей сестры дружна с семейством Коротаевых. Муж сестры помогал Виктору Вениаминовичу привести в состояние готовности старенький автомобиль ГАЗ-69. Это послужило поводом для знакомства, впоследствии превратившегося в добрые отношения семей. Понятно, что при очередном визите В. Симанова в Анисимово я был с ним.

Анисимово - небольшая деревенька на берегу полноводной Шексны. Дача Коротаевых соответствовала тому времени: деревянный домик, небольшой земельный участок.

В момент нашего приезда Виктора Вениаминовича дома не было (ушел в лес за грибами). Нас радушно встретила хозяйка дома Вера Александровна с детьми. Вскоре пришел и Виктор Вениаминович с полной корзиной черных груздей. День был погожий. Мы сидели за дачным столиком и вели разговор. Виктор Вениаминович, признаюсь, поразил меня открытостью суждений.

На добрую память я сделал несколько фотоснимков. Уже из дома отослал фотографии по вологодскому адресу Коротаевых и получил от Виктора Вениаминовича открытку со словами благодарности...

Вспоминая Учителя...

Н. Б. Шилова, г. Вологда

... Никогда еще не писала воспоминаний. Читать - читала, а вот пишу - впервые!..

Знакомство началось с его стихов, уже во время моей учебы в пединституте. В кабинете литературы был стенд с фотографиями писателей и поэтов-земляков. Естественно, своей оригинальной внешностью выделялся Коротаяев. Я с удовольствием читала его новые стихи - чаще всего они публиковались в "Вологодском комсомольце". В редакции этой газеты впервые увидела поэта "живьем", когда заглянула в гости к знакомому корреспонденту. Было лето. Коротаяев буквально ввалился в кабинет - шумный, веселый, в распахнутой рубашке... Шел, если не ошибаюсь, 1972 год.

Наша вторая встреча состоялась лет через десять, когда я переехала на жительство в Вологду и стала посещать литературное объединение "Рифма" при "Вологодском комсомольце", руководил которым Виктор Вениаминович.

Вначале я сидела в сторонке, присматривалась. Многих (хотя и начинающих) авторов поэт знал лично, с мужчинами здоровался за руку, вел какие-то только им понятные беседы, а женщины такой чести почти не удостоивались.

Принцип работы литобъединения был прост: рискнувший подвергнуть разгрому (реже - одобрению) свои творения представлял рукопись в нескольких экземплярах. Наш староста Вячеслав Белков, известный уже как исследователь творчества Николая Рубцова, передавал "кружковцам" рукопись для чтения, а затем начиналось самое "страшное".

Высказывались все, кто читал. Получалось так, что я знакомилась с каждой рукописью (предусмотрительный староста не обходил вниманием мою скромную персону), и приходилось хотя бы несколько слов говорить на каждом нашем собрании. Догадываюсь, какую я иногда говорила чушь, но Коротаяев никогда не позволял себе возражать выступающим, а в заключительном своем слове давал понять, где мы были неправы.

В конце-концов дошла очередь и до меня... Разгромили тогда, помню, основательно. И Виктор Вениаминович был довольно прямолинеен в своих оценках. Конечно, я знала, что пишу не очень хорошо, но что так плохо!..

Шла домой и думала: "Не буду больше писать!" Но тут же вспоминались слова Коротаяева: "Да хорошие у тебя стихи!"

-Так почему же вы их так критиковали?

-А я хочу, чтобы ты еще лучше писала!

Позже я поняла, насколько он был прав! Есть у меня стихотворение "Ты не пришел и даже не звонил..." Очень удачной казалась мне самой строчка "Ночь, будто склянка пролитых чернил".

"Пролитых - это уже не склянка", - заметил Коротаев. Так появилось "Ночь, будто склянка, полная чернил".

В стихотворении "Вот опять знакомая река..." последняя строфа начиналась так: "Целый час на пристани стою..."

"Ты прощаешься с любовью, а замечаешь, сколько времени это продолжается", - приговор Коротаева.

"Сколько ж я на пристани стою?.." - после замечания Виктора Вениаминовича.

И таких примеров можно привести множество. Он учил нас видеть огрехи в своих стихах, а это гораздо сложнее, чем анализировать стихи других. Ненавидел отступления от норм русского языка, неграмотным в этом плане авторам советовал учиться, больше читать. Прозаикам тоже доставалось, но я тогда в тонкостях прозы не была сильна, поэтому примеров привести не могу.

"Рифма" была лично для меня отдушиной, где я могла пообщаться с единомышленниками, выслушать мнение о новых стихах еще до их обсуждения, познакомиться с новыми людьми. Достаточно сказать, что именно на литобъединении я встретила своих бывших "собратьев" по пединституту, но теперь уже в новом "качестве" - прозаиков и поэтов. Это А. Цыганов, В. Белков, А. Драчев, М. Карачев - теперь уже признанные авторы.

Вне литобъединения мы встречались только случайно, на улице. Коротаев всегда радостно и шумно приветствовал, целовал руку, а прохожие, узнававшие поэта, с любопытством смотрели, кто это удостоился столь изысканного приветствия...

Единственный раз мы общались дольше, когда в середине 80-х годов ездили в гости к череповецким авторам. Хорошо помню, что это было в понедельник, после Пасхи. Мы собирались у бокового входа в здание бывшего обкома партии на ул. Пушкинской. Маститые авторы появляться не торопились... Коротаев прибежал одним из последних, бросил портфель на ступеньки и со словами: "Надя, присмотри, а то украдут, не вспомнишь, что и написал", - скрылся за дверь.

До Череповца мы ехали около пяти часов - с остановками, душевными разговорами... В автобусе мы с Ларисой Мокшевой сидели позади Виктора Вениаминовича, и он всю дорогу рассказывал о тех писателях и поэтах, которых уже нет в живых. Запомнился его рассказ об

Александр Яшине, о его любви к Веронике Тушновой, ее смерти, об уходе из жизни самого Александра Яковлевича. Для меня эти детали стали откровением, ведь такого не было в воспоминаниях о Яшине, а если и было, то затерялось в потоке иной информации.

Как-то я подумала, что вижу Коротаяева часто, а у меня до сих пор нет его автографа, Прихватила на одно из литобъединений сборник его стихов и после заседания подошла.

Милое
Наде Шилова
на добро и будущую
Работу!
Коротаяев
27.12.83
Виктор

Автограф Н. Б. Шиловой.

-Наконец-то Надя Шилова собралась взять у меня автограф, - резюмировал наш руководитель и написал пожелание, которое теперь, по прошествии почти двадцати лет, кажется мне глубоко символичным: "Наде Шиловой на добро и будущую Работу. Нежно - Коротаяев. 27.12.83".

1996 год. Я шла с автобуса на работу, а он торопился в "Белый дом". Тогда Виктор Вениаминович руководил газетой "Русский огонек". Пожаловался, что нечем платить зарплату и поэтому он спешит на прием к губернатору. "Стихи приноси!" - сказал он. "Да не пишутся что-то стихи", - ответила я. "Прозу пиши!" - уже на бегу бросил Коротаяев.

Это была наша последняя встреча!..

Коротаев Виктор Вениаминович. Псевдонима не имел.

Родители

Мать - Александра Александровна Хромова. Закончила Вологодское педучилище. В военные годы работала учителем начальных классов в Сокольском районе Вологодской области. После войны работает в Вологде начальником планового отдела Пуговично-гребенной артели. Получив высшее образование в Москве, работала главным инженером швейной фабрики «1 Мая» в Череповце. Отец - Вениамин Александрович Коротаев, шофер-фронтовик, отмечен наградами за заслуги в Великой Отечественной войне.

Где и как прошло детство

Родился 8 января 1939 года в городе Вологде.

В годы войны будущий поэт ребенком был увезен матерью в Сокольский район Вологодской области в деревню Липовица (поэма "Липовица"). Дед, чтобы прокормить семью в голодные годы, сам косил и пахал, держал домашний скот, научился отливать зеркала, одно из них до сих пор хранится у одной из жительниц Липовицы. В Липовице в день памяти поэта 18 мая 2001 года земляками был установлен мемориальный камень со словами: "Поэту земли вологодской Виктору Коротаеву". Главным наставником внука стала бабушка Екатерина Вячеславовна. Она знала много частушек, присказок, причетов, сказаний, привила внуку любовь к народному творчеству, родной деревне. Мать была учительницей, выучила сына читать и писать. У родного брата деда в деревне имелось полное собрание сочинений Л.Н.Толстого. Витя с малолетства приобщился к чтению и спорту. Любил играть в футбол, был вратарем. Катался на коньках, хорошо ходил на лыжах. С юных лет был заядлым рыбаком, полюбил тетеревиную охоту, хаживал подростком на глухаря и лося. Хорошо разбирался в грибах, любил собирать на болоте морошку.

Где и когда получено образование

После войны мать сына увезла в Вологду. Виктор учился в школе №9 Северной железной дороги. Увлечений своих не оставил, по-прежнему

много читал, занимался спортом. Любил бокс. По лыжам имел спортивный разряд. Любимыми учителями в школе были учитель физики В.И.Лупанов, фронтовик, вернувшийся с войны без руки. Своей отвагой и задушевностью он сумел увлечь детей и привить любовь к своему предмету. Чуткая, добрая к детям Е.И.Копничева вела уроки английского языка. Особенно сильное впечатление на будущего поэта произвели уроки русского языка и литературы, которые вел В.Ф.Захаров. Дети с увлечением писали сочинения на вольные темы, учитель поддерживал страсть Виктора Коротаева к сочинительству. Уже в 10 классе, рассказывает бывшая практикантка по иностранному языку Е.Д.Тюрина, В.Коротаев имел тетрадку со своими стихами, которые он начал писать с 14 лет, и прятал ее у себя дома за печкой. Е.Д.Тюрину поражала в стихах зрелость его рассуждений. По своей тематике они были близки к поэзии раннего С.Есенина.

Страсть к путешествиям привила географ Г.Н.Пономарева и С.И.Сарано-учитель биологии и любитель всего живого. Всем классом ухаживали за школьным садом, впоследствии, уже будучи зрелым поэтом, Виктор мог часами ухаживать за выращенными им яблонями в семейном саду, знал сорт каждой, по осени их окапывал и уберегал от морозов и зайцев.

Наставниками В.Коротаева и его сверстников в школе были также Н.И.Быков и В.Цевелев. Они поддерживали и развивали у ребят любовь к спорту и творческую жилку.

Вступление в литературу

Начал писать стихи в школе с 14-15 лет. В 1963 году В.Коротаев закончил ВГПИ, факультет истории, русского языка и литературы. Здесь были сильны литературные традиции и высок уровень преподавания. Студенты того времени многим обязаны таким преподавателям, как О.В.Шайтанов, В.В.Гура, И.В.Гура, Т.Беседина и А.З.Цинман, читавшим лекции по зарубежной, русской литературе и истории. В институте часто устраивались литературные вечера. Поддерживалась тесная связь с Вологодской писательской организацией. Проводились встречи студентов с известными литераторами - А.Яшиным, С.Орловым, Валерием Дементьевым, В.Бсловым, С.Викуловым. На этих встречах шел оживленный обмен мнений. Тесное знакомство с современными поэтами, их творчество и глубокое изучение мировой, особенно русской классики произвело на студента В.Коротаева неизгладимое впечатление и повлияло на выбор писательского пути.

На четвертом курсе ВГПИ выпустил первую книжку стихов “Экзамен”, публиковался в областных газетах, литературных альманахах, коллективных сборниках и журналах.

В 1963 году служил в армии. В 1965 году принят в СП СССР.

Литературные авторитеты

Литературными авторитетами для В. Коротаяева в русской литературе были С. Есенин, М. Лермонтов; он хорошо знал творчество А. С. Пушкина. Стихи С. Есенина Коротаяев мог читать часами наизусть. Любил стихи Дм. Кедрина, Б. Корнилова, Аю Яшина, С. Викулова.

Проблематика

Главная тема творчества - патриотизм, гражданская лирика... Поэта-гражданина всегда волновала судьба России, судьба российских деревень, простого труженика, - будь то крестьянин, солдат или ветеран войны. Писатель раскрывает их духовный мир, отображает в своем творчестве переживания современников. Обращается на протяжении всего творческого пути к социальной тематике.

В последние годы жизни В.Коротаяева особенно волновало положение русского поэта, его место в жизни. Стихи этого периода часто овеяны печалью и болью за несуразность наступивших перемен, за человеческие страдания, нищету и распад большой страны. Поэт прославляет в своих стихах родную Вологодчину, размышляет о жизни общества, о человеке, о познании жизни. В последних его стихах звучит печаль человека, трезво вглядывающегося в окружающую его действительность. Поэтические впечатления в конечном итоге характеризуют время.